

ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОГО КРИЗИСА В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ВОООБРАЖАЕМЫХ МИРОВ

Н. А. Гаршин

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 20 сентября 2024 г.

Аннотация: анализируются концепция А. Аппадурай и возможности ее применения для изучения феномена кризиса в современном обществе. Рассматриваются истоки и причины появления данной теории, а также ее применимость для рассмотрения кризиса в современном глобальном социальном пространстве. Особое внимание уделяется аспекту медиакоммуникации и ее влиянию на распространение кризисов.

Ключевые слова: Аппадурай, глобализация, теория воображаемых миров, кризис, трансформация социальной реальности.

Abstract: it is analysis A. Appadurai's concept and the possibility of its application to study the phenomenon of crisis in modern society. The origins and reasons for the emergence of this theory are considered, as well as its applicability to the consideration of crisis in the modern global social space. The author pays special attention to the aspect of media communication and its influence on the spread of crises.

Key words: Appadurai, globalization, theory of imaginary worlds, crisis, transformation of social reality.

Социальный кризис в условиях глобального мира приобретает все новые очертания по сравнению с предыдущими эпохами. Это выражается как в социологическом измерении данного феномена, так и в эпистемологическом. Если мы говорим о реальном мире и проявлениях кризиса, то следует заметить все увеличивающуюся область взаимосвязи между сферами жизни общества и происходящими в ней кризисами. Если еще век назад мы могли наблюдать локализованные кризисы, существующие как бы сами в себе, без проникновения в иные сферы, то сегодня даже минимальный кризис затрагивает сразу все аспекты жизни человека. Интеграция элементов общества достигла максимума, что, с одной стороны, позволяет ему куда более эффективно реализовывать свои функции и потенциал, но с другой – приводит к усилению влияния и негативных тенденций друг на друга. Можно сказать, что такие воздействия также усилили свой системный эффект, однако он носит негативный характер.

С эпистемологической стороны вопроса кризис становится предметом исследования различных подходов и дисциплин. Это связано с указанным выше интегративным характером кризиса и озабоченностью представителей различных видов деятельности его проявлениями. Такое положение дел позволяет наращивать эмпирическую и теоретическую базу исследований кризиса в различных науках, однако при этом возникает проблема размытия границ поня-

тия, и, как следствие, она вызывает риск утраты четкого понимания общего предмета исследования. Причем это касается не только гуманитарных и социальных наук, часто кризис в своих нишах или в ходе междисциплинарных исследований могут изучать и представители точных и естественных наук. Именно поэтому возвращение к философскому началу в области исследования кризиса выглядит наиболее интересным и перспективным в качестве отправной точки, актуального для современной эпохи познания кризиса. Получив наиболее общее определение и представление о кризисе, выявив сущностные характеристики универсалии «кризисности», выработав основу методологии исследования и преодоления кризиса, философия позволит частным наукам избежать противоречий и спекуляций при решении конкретных задач в рамках фундаментальных и прикладных исследований.

В этом аспекте интересной основой работы с социальным ландшафтом как базой социального взаимодействия видится подход А. Аппадурай, который рассматривает различные аспекты исследований современного глобального мира со стороны концепции возможных миров.

В свою очередь, его идеи восходят к концепту воображаемых сообществ Б. Андерсена, предложившего в одноименной работе рассматривать процесс формирования нации как воображаемого политического сообщества со своими характерными чертами и проявлениями. Ключом к формированию нации как воображаемого сообщества является язык, который

позволяет прочувствовать единство, приобщиться к единству прошлого, настоящего и будущего нации. Утрата такого единства, или, как мы бы могли это обозначить в современной терминологии, единства исторического сознания, в свою очередь, приводит к началу конца нации. Важной чертой нации как воображаемого сообщества является ее горизонтальный характер, что делает невозможность быть ее представителем в большей или меньшей степени, чем иные члены сообщества. Как пишет сам философ: «Она [нация] воображается как сообщество, поскольку независимо от фактического неравенства и эксплуатации, которые в каждой нации могут существовать, нация всегда понимается как глубокое, горизонтальное товарищество» [1, с. 32]. При этом в силу различия исторических судеб, языков и культуры нация четко выделяется и отделяется от человечества в целом, что дает ей возможность самосознания и стремления к автономии. Именно такое стремление дает возможность появления национальных государств как способа самоидентификации, автономизации и самозащиты нации. Кроме того, появляется возможность некой внеязыковой общности, приобщения через историю и воображение. Андерсон замечает: «В мире, где всепроблающей нормой стало национальное государство, все это означает, что теперь нации могут представляться в воображении и при отсутствии языковой общности не в наивном духе *nosotros los Americanos*, а на основе общего осознания того, возможность чего доказала современная история» [там же, с. 153–154]. Следовательно, нация в рамках национального государства приобретает новые качества, на которые не могла претендовать до появления такого способа самоидентификации и защиты собственной автономии в рамках созданного национального государства. При этом воображение играет по-прежнему крайне важную роль, скрепляя нацию воедино, давая ее представителям чувствовать сопричастность друг другу. Именно такая роль воображения позволила А. Аппадурай выстроить собственную концепцию глобализации и глобального мира, который развивается уже по особым законам, неся при этом новые вызовы.

Итак, оттолкнувшись от концепта воображаемых сообществ Б. Андерсена, исследуя социальное пространство исходя из концепта воображения, философ отмечает, что, являясь по своей природе единым, оно тем не менее подразделяется на пять больших, относительно независимых, но при этом связанных между собой пространств.

1. Этнопространство, в котором происходит реальное и постоянное перемещение в физическом пространстве. В нем смыслы и ценности перемещаются вместе с апатридами, беженцами, туристами, порой с лицами, ведущими образ жизни, связанный

с постоянной сменой локации в силу культурных и бытовых особенностей этноса. С одной стороны, это приводит к активному переносу смыслов, а с другой – к формированию весьма эклектичного мышления у представителей указанных социальных групп. Они, в свою очередь, являясь его носителями, распространяют его далее, что делает возможным трансляцию тех или иных идей без посещения мест, где они зародились. Принципиально важно, сколь деструктивный или конструктивный характер имеют те или иные идеи, что будет влиять на должное отношение к ним со стороны государства и общества. Не вдаваясь в подробности дискурса о толерантности, кратко заметим, что терпимо следует относиться лишь к тем ценностям и их носителям, которые не вызывают деструктивных последствий, иначе говоря, важно соблюдать границы толерантности, не позволяя ей угнетать толерантные социальные группы в пользу интолерантных. В таком случае общество рискует столкнуться с социальным кризисом, поскольку отчуждение толерантности приведет к росту агрессии, а возможно, и криминализации. Здесь крайне актуален вопрос четких обоснований положения традиционных для той или иной территории ценностей и взаимодействия с ними прибывших извне новых ценностных ориентаций и традиций. Как писал М. Б. Хомяков, «как границы, так и содержание толерантности в очень высокой степени зависят от способа ее теоретического обоснования. При этом часто выход за эти границы, перенесение одного понимания толерантности на собственные объекты другой теории размывает ее содержание и даже способствует ее превращению в собственную противоположность» [2, с. 33]. Следовательно, постановка и соблюдение четких границ толерантности являются важным условием для предотвращения социальных кризисов и установления добрососедских отношений между вышеуказанными социальными группами и коренным населением, что благотворно скажется на обеих сторонах такого диалога.

2. Медиапространство, где смыслы транслируются на определенную публику, что существенно отличается ее от толпы, для которой важно быть территориально близко. Говоря о медиапространстве, важно отметить, что в современном мире грань между физическим и виртуальным социальным пространством становится всё тоньше, что приводит к серьезному взаимовлиянию их друг на друга. Такое стирание граней между физическим и виртуальным пространствами, рассматриваемое в рамках концепции А. Аппадурай, показывает нам, что кризис также вполне может и будет носить экстерриториальный характер. Иначе говоря, где бы ни начались кризисные явления, и информация о них, и причины их возникновения крайне стремительно будут транслированы

путем медиа и их каналов. Неслучайно в ряде исследований философов и политологов происходит попытка выделения элит медиа в особую группу элит, подобную политической, экономической культурной. Например, А. Г. Стариков, выделяя элиты СМИ как фактор политического дискурса, замечал, что «превращение информационной деятельности в товарное производство и появление сферы всеобщего потребления массового информационного продукта открыло эффективные средства непрямого социального политического воздействия и управления» [3, с. 4]. Таким образом, даже неполитические на первый взгляд события способны вызвать как положительную, так и отрицательную динамику в рамках политического поля. В этом специфическая черта современного общества и протекания кризисов в нем: начавшись в одной сфере, они могут мультиплицировать свои эффекты и на другие сферы. Этой же характеристикой обладало и общество риска, о чем предупреждал один из основных представителей теории общества риска У. Бек. По определению У. Бека, «...общество риска есть общество, чреватое катастрофами. Его нормальным состоянием грозит стать чрезвычайное положение» [4, с. 15]. Такое общество сложно тем, что любое производство, старт любого начинания сопряжены с многоуровневым и многократным воспроизводством риска и его практически моментальным распространением. Важную роль в этом процессе сыграли цифровая революция и цифровой поворот в культуре, благодаря которым скорость распространения рисков многократно возросла.

3. Технопространство. Чем дальше идет технологическое развитие, тем сильнее переплетаются научные проекты разных стран, тем более они влияют на жизнь человека даже в странах, которые отнюдь не являются лидерами в научном и технологическом отношении. С одной стороны, это позволяет улучшить производительность труда и экономическую эффективность, с другой — критично повышает взаимозависимость стран, особенно зависимых от наличия заимствованных технологий или высокотехнологичных продуктов. Это создает предпосылки для манипуляций и давления, что повышает напряженность и возможность несправедливого давления по политическим и иным мотивам.

4. Финансовое пространство тесно связано с технопространством. Роль ТНК в трансляции технологий и идей очевидна. Однако, на наш взгляд, важно добавить и прояснить тот факт, что развитие и распространение ТНК также ведет к распространению их корпоративных культур, стандартов производства и потребления, что тоже стирает территориальные и культурные границы, делая мир все более стандартизированным. При этом, безусловно, важен и системный аспект взаимодействия различных пространств,

или ландшафтов, о котором А. Аппадураи пишет: «Но самое важное заключается в том, что глобальные отношения между этнопространством, технопространством и финансовым пространством глубоко дизъюнктивны и непредсказуемы, поскольку каждый из этих ландшафтов подвержен своим собственным ограничениям и стимулам, в то время как каждый из них выступает в качестве ограничителя и параметра для движений в других» [5, с. 34]. Это также отсылает нас к идее общества риска, одними из ключевых черт которого являются принципиальная неопределенность и возможность внезапного проявления рисков. Кроме того, в силу указанных индийским философом разнообразий крайне затрудняется возможность прогнозов и экспертной оценки происходящих событий.

5. Пространство идей, распространяющихся через конкурирующие идеологии. Особенно интересно рассмотрение данного сегмента через призму постидеологического дискурса. Казалось, что идеологии, как и большинство метанарративов, отходят в прошлое, однако мы можем наблюдать определенные трансформации в идеологическом поле. Возникают более гибкие, чем классические идеологии, идеи общественных движений, миссии организаций и внутрикорпоративные идеи в ТНК. Таким образом, идеологии уходят от своего классического формата, возможно, становясь неоидеологиями, однако продолжают выполнять свои функции в тех областях, в которых распространяются. Как отмечал В. Фурс при анализе концепции индийского философа, «после окончания холодной войны могло показаться, что мир стал однополярным, на деле же он стал полицентричным. Неправомерно рассматривать государства и культуры так, будто они представляют собой что-то обособленное: необходимо учитывать уже высокую и все возрастающую степень взаимопроникновения. Складывается множество новых центров силы: организации, движения, идеологии» [6, с. 66].

Следовательно, в силу деятельности человека в соответствующих пространствах происходит переориентация от дихотомии «глобальное – локальное» к дихотомии «территориальное – детерриториализованное», причем мы можем наблюдать усиление тенденций по детерриториализации. Иначе говоря, большинство процессов становится все менее привязанными к территориальным факторам, а интерпретируя данный подход – к физическим и географическим параметрам. И идеи, и культурные смыслы, и капиталы могут перемещаться без перемещения конкретных людей, и, напротив, в силу разных обстоятельств нас интересует не столько нация или иная принадлежность тех или иных перемещающихся социальных групп, сколько носимые ими идеи, ценности и их влияние на среду пребывания.

Именно поэтому столь важна концепция А. Аппадурай при отслеживании трансформаций социальных кризисов. Дело в том, что все указанные и проанализированные пространства (или ландшафты) – среда для зарождения и распространения кризисных явлений. Актуальным представляется рассмотрение кризиса с позиций детерриторизации, т. е. его распространения в средах, которые наименее привязаны к физическим носителям. Отсюда, к примеру, столь активное влияние культуры отмены как одного из проявлений деформации толерантности в рамках интернет-пространства, которое позволяет применять данный механизм в виртуальном пространстве, следствием чего становится кризис феномена доверия и репутации. У масс возникает ощущение, что само понятие репутации оказывается конструктом, а следовательно, и доверять неясно чему и кому не стоит, фигура экспертов и их роль вызывают всё больше вопросов. Это приводит к психологическому напряжению и ощущению растерянности, неукорененности. В таких условиях как отдельные люди, так и социальные группы крайне уязвимы перед манипулятивными технологиями, конспирологией, социальным мифотворчеством. Именно поэтому столь высока роль философии в анализе кризисов и, в частности, социального пространства, указанных выше пяти его ландшафтов.

В рамках данной статьи были получены следующие выводы. В ходе трансформаций в процессе глобализации появляются различные социальные ландшафты в рамках общего социального простран-

ства. Каждый из них имеет свои специфические черты, однако тесно связан с другими, образуя полноценную социальную систему. В силу изменений, имеющих место в них, происходит сдвиг от оппозиции «глобальное-локальное» к дихотомии «территориальное-детерриторизованное», что позволяет более четко изучать механизмы трансформаций и кризисов вне привязки к пространству и времени, а также факторы, приведшие к кризисам в тех или иных социальных институтах. Тем самым методология философии кризиса приобретает еще один новый подход, связанный с глобализацией и ее влиянием на феномен социального кризиса.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества : размышления об истоках и распространении национализма. М. : КАНОН-пресс-Ц : Кучково поле, 2001. 288 с.
2. *Хомяков М. Б.* Толерантность и ее границы // Национальный психологический журнал. 2011. № 2. С. 25–33.
3. *Стариков А. Г.* Взаимодействие элиты СМИ и политической элиты в политическом процессе современной России : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д., 2005. 24 с.
4. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М. : Прогресс-традиция, 2000. 381 с.
5. *Appadurai A.* Modernity at Large : Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis, 1996. 248 p.
6. *Фурс В.* Арджун Аппадурай. «Современность» на просторе : культурные измерения глобализации // Социологическое обозрение. 2003. Т. 3, № 4. С. 57–66.

*Воронежский государственный университет
Гаршин Н. А., старший преподаватель кафедры
истории философии и культуры
E-mail: garshnick@mail.ru*

*Voronezh State University
Garshin N. A., Senior Teacher of the History of
Philosophy and Culture Department
E-mail: garshnick@mail.ru*